

В. НАУМЕНКО

КУБАНСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

Третий год издания.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1961 г.

№ 13

VYACESLAV NAUMENKO

P. O. Box 323

BLAUVELT, N. Y.,

U. S. A.

В. Науменко. ...

К У Б А Н С К И Й

исторический и литературный

СБОРНИК.

№ 13 - ноябрь-декабрь 1961 г.

Блаувелт. США.

О г л а в л е н и е :

О дальнейшем печатании "Положения о Черноморском Войске 1842 г."-В.Науменко.....	стр.3
Высочайше утвержденное Положение о Черноморском казачьем войске 1842 г. /Окончание/.....	" 3
Отрывок воспоминаний о Кубани шестидесятых годов прошлого века.-Др.С.М.Мащенко.....	" 15
О рыболовстве в Черномории.-Ф.А.Щербина.....	" 19
Выписка из Высочайшего приказа о производстве в офицеры 6 августа 1913 года.....	" 20
Взятие Екатеринодара 2 августа 1918 г.-В.Науменко.....	" 22
Слепой конь.-А Жемчужный.....	" 25
Осколки воспоминаний.-В.Н.....	" 31
Немного статистики.-В.Науменко.....	" 32.

От редакции:

На складе редакции имеются/цены с пересылкою/:

1- Карта Кубанского края по данным на 1920 г.-Составлена, вычерчена и размножена инж.Н.Л.Кисилем, под редакцией В.Науменко, издание Кубанского исторического и литературного Сборника.Цена 1 доллар.

2-Книга Д.Е.Скобцова-"Три года революции и гражданской войны на Кубани!"-Цена 3 доллара.

3-Номера Кубанского Сборника начиная с № 1-го.Цена отдельного номера 1 дол.Комплект за каждый год из 6 номеров-5 долларов.

Ред.

О ДАЛЬНЕЙШЕМ ПЕЧАТАНИИ "ПОЛОЖЕНИЯ О ЧЕРНОМОРСКОМ ВОЙСКЕ".
1842 г.

В №№ II и I2 Кубанского Сборника была напечатана часть Положения о Черноморском Войске, касающаяся военной организации его.

Часть эта охватывает 263 параграфа из общего числа их 498 плюс 120 страниц приложений в виде штатов и табелей.

Напечатанное заняло значительное количество страниц в каждом номере и если дальше печатать все Положение полностью, то для этого надо отвести место еще в трех номерах Сборника. А дальше предстоит печатать такое же Положение о Кавказском Линейном Войске, что займет еще 5-6 номеров, т.е. дальнейшее печатание обоих Положений полностью не будет закончено до конца настоящего года.

Между тем, при печатании полного текста Положения, на страницы Сборника попадает много таких подробностей, которые могут интересовать лишь лиц, занимающихся подробным изучением истории Войска, но которые не интересны для рядового читателя, трудно запоминаются и лишь затрудняют ему уяснить смысл прочитанного. Как на пример таковых, можно указать на перечисление многочисленных должностей по управлению Войском, на обязанности различных лиц и пр. А кроме того, при ограниченном количестве страниц в каждом номере, остается мало места для печатания другого материала о прошлом нашего Войска.

Принимая все это во внимание, в дальнейшем, начиная с настоящего номера Сборника, будут печататься полностью лишь более интересные данные из Положения, или же делаться краткая передача их содержания.

В. Н а у м е н к о .

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВЪ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Собрание второе. Томъ XVII. Отделение первое. 1842. Отъ № 15188-16047. Санктпетербургъ. Въ Типографіи II Отделения Собственной Е.И.В. Канцеляріи. 1843.

Царствование Императора Николая I Июль 1842 Июль.

15809.-Июля I. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ЧЕРНОМОРСКОМЪ КАЗАЧЬЕМЪ ВОЙСКЕ. / Окончание/.

Войсковое гражданское управление делилось на управления: Войсковое, Окружные и Станичные.

Постоянным местом пребывания Войскового Управления был г. Екатеринодар. Его составляли: 1- Войсковое Правление, 2- Войсковая Врачебная Управа, 3- Войсковая Почтовая Контора, 4- Войсковой Прокурор, 5- Торговый словесный Суд и 6- Полиция г. Екатеринодара.

Окружных управлений было, по числу округов, три: - Таманское в станице Петровской, Екатеринодарское в г. Екатеринодаре и Ейское в станице Уманской. Каждое из них состояло из: 1- Окружного Суда, 2- Окружного Сыскаго Начальства, 3- Словесного Мирowego Суда и 4- Окружного стряпчего.

Станичное Управление состояло из Станичного Правления в каждой станице.

Войсковое Правление состояло из Старшего члена и четырех

ассесоров, под председательством Войскового Наказного Атамана и при постоянном участии на заседаниях Начальника Войскового штаба. В заседаниях Правления участвовали Войсковой контролер и казначей в тех случаях когда этого требовали рассматриваемые дела.

Войсковое Правление делилось на четыре экспедиции: Исполнительную, Хозяйственную, Поземельную и Гражданскую. Каждую экспедицией управлял ассесор.

Старший член Войскового Правления избирался Наказным Атаманом, представление, по команде, представлялось на утверждение Государя. Ассесоры и Войсковой казначей тоже избирались Наказным Атаманом и утверждались Военным Министром. Помощники ассесоров и Войсковой казначей избирались Наказным Атаманом и утверждались Командующим Войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Разные должности по гражданскому управлению Войском занимались чиновниками из числа черноморских казаков, за исключением перечисленных в приложении № 7 к "Положению о Черноморском Войске" и озаглавленном: "Росписание должностей въ управлении Черноморскаго казачьяго войска для иногородних чиновников въ означенномъ ихъ классовъ и разрядовъ для пенсий и ношения мундиров"

В эту категорию вошли следующие должности:

По Войсковому Правлению: секретари, столоначальники и Войсковой Контролер, бухгалтер, его помощник и чиновник для ревизии счетов.

По Врачебной Управе: Инспектор, оператор, акушер, письмоводитель, врачи и Войсковой аптекарь.

Вообще по Войсковому управлению: Войсковой Прокурор, его письмоводитель, окружные стряпчие.

По Окружным судам: секретари, столоначальники.

По Сыскным Начальствам: секретари, столоначальники.

По Екатеринодарской полиции: секретари, столоначальники.

По Войсковому окружному училищу: учителя латинского, немецкого и французского языков, учителя общих наук и рисования

По приходским училищам: учителя.

Окружные управления возглавлялись Окружными Штаб-офицерами. Окружной суд состоял из Судьи и двух заседателей: один из чиновников, другой из казаков. Окружное Сыскное Начальство состояло из Сыскаго Начальника, двух заседателей от чиновников и двух от казаков. При каждом Сыскном Начальстве были Слоvesный и Мировые суды.

Судьи избирались Наказным Атаманом и утверждались Командующим Войсками на Кавказской линии и в Черномории. Все остальные лица избирались казаками, за исключением стряпчих, назначавшихся Министром юстиции они были в непосредственном подчинении Войсковому Прокурору.

Станичные Правления, как было сказано при рассмотрении Военного управления состояли из Станичного Атамана и двух судей, избираемых казаками и утверждаемых Наказным Атаманом.

Ведению Войскового, Окружных и Станичных управлений подлежали:

1-Войсковому Правлению: 1-дела исполнительные по гражданской и земской части, 2-Войсковое хозяйство, 3-Дела по земельному довольствию в Войске, 4-Дела гражданского судопроизводства и 5-Ревизия войсковых отчетов и часть контрольная.

Гл. III—Обязанности и образъ действий Войсковаго Правления.

§ 297. Войсковое Правление, какъ главное присутственное место Черноморскаго казачьяго войска, управляетъ всею гражданскою частью войска сего, на основании общихъ узаконений для Губернскихъ Правлений и Палатъ изданныхъ, и особыхъ установлений, в настоящемъ положении заключающихся.

§ 298. Войсковое Правление неусыпно наблюдаетъ, чтобы все подчиненныя ему места и лица исполняли законы со всею точностию, и чтобы дела производились и оканчивались успешно и правильно.

§ 299. Войсковое Правление имеетъ постоянный и тщательный надзоръ, чтобы полицейскія учреждения, охраняющія спокойствие, порядок и благоустройство, и ограждающія личную и по имуществу безопасность, были вездѣ съ точностию исполняемы.

§ 300. Для предупрежденія недостатковъ въ продовольствіи, Войсковое Правление учреждаетъ во всехъ станицахъ запасныя хлебныя магазины, и постоянно печется о содержаніи оныхъ въ определенномъ существующими положениями количествѣ и качествѣ.

§ 301. Войсковое Правление наблюдаетъ за правильнымъ распределеніемъ станичныхъ в войске довольствій.

§ 302. Оно имеетъ особсе попеченіе, дабы существующія по войску дороги, мосты, перевозки и плотины, содержимы были всегда въ совершенной исправности.

§ 303. Войсковое Правление изыскиваетъ всевозможныя способы къ облегченію казаковъ въ отправленіи земской повинности, и, по точномъ удостовѣреніи въ удобствахъ и пользе предполагаемыхъ имъ меръ, представляетъ въ установленномъ порядкѣ Военному Министру.

§ 304. Все войсковыя и станичныя общественныя зданія состоятъ въ веденіи Войсковаго Правления.— Оно обязывается пещись о всегдашнемъ состояніи ихъ въ исправности, и для сего сносится съ Комитетомъ У-го округа Корпуса Инженеровъ военныхъ поселеній, во всехъ техъ случаяхъ, где содействие его, или распоряженія нужны будутъ.

§ 305. Войсковое Правление имеетъ попеченіе о раздачѣ войсковыхъ степей подъ частныя табуны и зимовки, и наблюдаетъ за вернымъ взысканіемъ сбора, положеннаго съ частныхъ табуновъ, пасущихся на войсковыхъ степяхъ.

§ 306. Войсковое Правление заботится постоянно о приумноженіи войсковыхъ доходовъ, отдачею въ оброчное содержаніе запасныхъ земель, войску принадлежащихъ.

§ 307. Оно наблюдаетъ за сохраненіемъ и размноженіемъ войсковыхъ и станичныхъ лесовъ и за употребленіемъ оныхъ съ должною бережливостію.

§ 308. Войсковое Правление свидѣтельствуетъ непременно, въ началѣ каждаго мѣсяца, хранящуюся въ Войсковомъ Казначействѣ денежную сумму, съ соблюденіемъ постановленныхъ на сей случай правилъ, и о состояніи оной, доносить Департаменту Военныхъ поселеній Командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

§ 309. Войсковое Правление, сосредоточивая распределительную и исполнительную части по гражданскому управленію Черноморскаго казачьяго войска, обязывается не только съ своей стороны исполнять въ точности все предписанное для него въ настоящемъ положеніи; но неослабно наблюдаетъ за непременнымъ исполненіемъ того и всеми мѣстами и лицами, въ войскѣ ему подчиненными.

§ 10. Разрешая все встречаемые подведомственными местами и лицами недоразумения и затруднения, Войсковое Правление во всех случаях власть его превышающих, испрашивает установленным порядком разрешения высшего начальства.

§ 311. Относительно порядка производства дел, Войсковое Правление руководствуется общими постановлениями Губернских Правлений.

Вторым учреждением Войскового Управления Черномории была Войсковая Врачебная Управа, которую составляли Инспектор, оператор и акушер.

Об обязанностях этой Управы в Положении о Черноморском Войске говорится, что, что они "предписаны существующими постановлениями для Врачебных Управ в губерниях".

§ 322. В непосредственном заведывании Войсковой Врачебной управы, по медицинской части состоять: 1/Войсковой госпиталь в г. Екатеринодаре, 2/Три окружных лазарета по открытии оных. Примечание. - О учреждении лазаретов, существующий в Темрюке лазарет упраздняется. - 3/Больница при Екатеринодарской богадельне, 4/Войсковая аптека и 5/Все числящиеся в Войске на службе медицинские чины.

§ 323. Снабжение больничных заведений медикаментами и припасами, производится по распоряжению Врачебной управы, на существующем основании, из Главной Кавказской казенной аптеки, в количестве общими правилами определенном.

Третьим войсковым учреждением была Войсковая почтовая контора. Находилась она в Екатеринодаре и действовала на основании законоположений о губернских почтовых конторах, оставаясь в ведении и распоряжении Главного почтового начальства.

Четвертым войсковым установлением являлось управление Войскового Контролера. Войсковой Контролер занимал особое положение в Войске. Он назначался Министром юстиции по соглашению с Военным Министром. Его обязанности определялись узаконениями о Губернских Прокурорах.

§ 330. В случае замеченной войсковым Прокурором медленности и упущений присутственных мест и должностных лиц гражданского Управления, или каких либо злоупотреблений, он доводить о сём, в то же время, до сведения Войскового Правления, которое и приемлет неукоснительно должные противу сего меры.

Пятым войсковым установлением был Торговый Словесный Суд. Словесный Торговый Суд учреждается с целью, дабы торговые казаки во взаимных между собою и с посторонними людьми спорах и исках по торговле, без необходимости, не вступали в письменное судопроизводство.

§ 333. Торговый суд состоит из двух судей, ежегодно избираемых обществом торговых казаков из среды себя и утверждаемых войсковым Наказным Атаманом, с особою по штату канцелярией.

§ 333. Содержание Канцелярии Торгового Словесного Суда, как равно и помещение онаго возлагается на тоговое общество.

Шестым войсковым учреждением была Полиция города Екатеринодара. Во главе ее стоял Полицеймейстер, избираемый наказным Атаманом и утверждаемый Военным Министром. Полицейское управление, под его председательством, состояло из двух частных и одного Следственного Пристава, пяти Квартальных надзирателей и определенного по штату числа чиновников и нижних чинов.

Полицеймейстеру подчинялись: Полицейское управление, часть

пожарная, острог и Квартирная комиссия.

"Присутствие полиции", т.е. Полицейское управление состояло из двух Частных и одного Следственного приставов, под председательством Полицеймейстера.

Обязанности полиции определялись одними узаконениями для губернской полиции.

Пожарная часть, как то видно из ведомости № 9, прилож. к Положению о Черноморском Войске состояла из "Большой заливной трубы с медным коробом" и двух "Малых двуручных труб с медными коробами" и под них 9 лошадей. Располагала также пожарная часть одним чаном для воды и девятью бочками, под них "ходы" и 3 "линейки для возки служителей на пожар" и под них 27 лошадей. Особую табелью предусматривалось необходимое количество багров, вил, топоров, ведер, ломов, лестниц и пр.

Во главе пожарной части брантмейстер. Состояла она из 48 человек.

Пожарная часть помещалась при "сезжих домах" каждой части города, разделенная пополам и должна была быть в постоянной готовности.

Войсковой острог помещался на окраине города. Им ведал Смотритель из обер-офицеров по назначению Наказного Атамана.

Устройство острога, размещение в нем арестантов, содержание их, обязанности смотрителя и стражи предусматривались общими уставами "Строительным" и "Содержащимся под стражею" согласно Своду Гражданских Законов.

Квартирная комиссия состояла из трех депутатов от чиновников, казаков и иногородних под председательством Полицеймейстера.

§ 357. Квартирная комиссия имеет обязанностью удовлетворять квартирами всех чиновников как военных, так и гражданских, имеющих право на получение оных, и строго ответственны чтобы никто не пользовался квартирными деньгами, или квартирой в натуре, вопреки существующих постановлений.

§ 358. Квартирная Комиссия в действиях своих, по распределению постоя в г. Екатеринодаре, руководствуется уставом о земских повинностях в том 4 Свода Гражданских Законов изложенным.

§ 359. Квартирной повинности подлежат все без изъятия войсковые чины, имеющие в г. Екатеринодаре собственные дома, за исключением лиц, означенных в 619-623 статьях 4 тома Свода Законов гражданских.

§ 360. Равным образом подвергаются квартирной повинности и те из торгующих иностранцев, кои не имея домов, проживают в г. Екатеринодаре более 10 лет.

§ 361. Повинность сию торгующие иногородцы отправляют деньгами по раскладке, которая составляется Войсковым Правлением и через Командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории, доставляется на предварительное утверждение в департамент Военных поселений.

2-Окружные управления: В Положении о Черноморском Войске об Окружных управлениях говорится кратко, указывая на то, что в отношении Окружных судов и Окружных сыскных начальств они действуют на общих основаниях для уездных судов губернского управления и судебных начальств донского Войска. О словесных и мирных судах в § 384 говорится:

-Они имеют целью доставить войсковым обывателям простей-

шия и удобнейшия средства къ скорому удовлетворению по искамъ ихъ, въ делахъ тяжбенныхъ.

Далее мы полностью приводим отдел III о станичном управлении, как об установлении имеющем непосредственное общение с населением Войска:

Отд. III. — О станичномъ управленіи.

Гл. I. — Обязанности и образъ действий Станичныхъ Правлений.

§ 391. Станичныя Правления, какъ сказано въ военной части настоящаго положенія, составляютъ местную исполнительную власть действующую на пространстве юрта каждой станицы.

§ 392. Составъ сихъ управлений и обязанности ихъ по военному управлению, изложены въ той же части.

§ 393. Обязанности станичныхъ Правлений по гражданскому управлению, степень власти и образъ действий ихъ, порядокъ производства дель, отчетность, общий распорядокъ управления станица ми по части гражданской, въ отношеніи: а/ внутренней полициі, б/ опеки и призрѣнія бедныхъ, в/ отправленія повинностей, г/ суда и расправы, д/ станичныхъ сборовъ/собраній/, е/ станичнаго суда, ж/ хозяйственной части станицъ, и з/ содержания станичныхъ табуновъ, определяются положеніями объ управленіи войска Донскаго.

Гл. II. — О порядке станичныхъ выборовъ.

§ 394. Станицамъ Черноморскаго Войска предоставляется право избирать изъ среды себя: №/ Въ Станичныя Атаманы, 2/ Въ Станичныя Судьи, 3/ Въ Смотрители хлебныхъ запасныхъ и соляныхъ станичныхъ магазиновъ, 4/ Въ кандидаты для заседаній въ Войсковомъ Уголовномъ и Гражданскомъ Суде, въ Окружныхъ Судахъ и Сыскныхъ Начальствахъ.

§ 395. Выборъ сей и утвержденіе въ должностяхъ, производится въ томъ же порядкѣ, какъ предписано въ II главѣ, IV раздела, 3 части положенія войска Донскаго.

Далее в Положеніи о Войске Черноморскомъ идутъ весьма интересные главы: о гражданскомъ хозяйствѣ, о земельныхъ довольствіяхъ и о повинностяхъ Войска:

Отд. IV. — О гражданскомъ хозяйствѣ.

Гл. I. — О войсковыхъ доходахъ.

§ 396. Доходы Черноморскаго казачьяго войска суть двухъ родовъ: непрѣменные и изменяющіеся.

§ 397. Доходы перваго рода: I/ Жалованье, производимое войску отъ казны, въ количествѣ 5.714 р. 28 к. серебромъ. 2/ Отпускаемые на учебныя заведенія I.814 р. 28 коп. серебромъ. 3/ Получаемые на содержание духовнаго училища 208 р. 57 коп. серебромъ. 4/ Проценты съ двухъ миллионъ рублей ассигнаціями, обращающихся въ кредитныхъ установленіяхъ 80.000 рублей ассигнаціями, или 22.857 р. 14 2/7 коп. серебромъ, вообще 30.594 р. 27 2/7 к. серебромъ.

§ 398. Доходы втораго рода: I/ Питейные сборы, 2/ Рыбныя ловли, 3/ Продажа соли, 4/ Продажа нефти, 5/ Оброчная система, 6/ Сборъ съ торговцовъ за лавки и места на ярморкахъ, 7/ Сборъ съ войсковыхъ весовъ, 8/ Сборъ съ перевоза изъ Тамани въ Керчь. 9/ Сборъ съ казаковъ торговыхъ обществъ. 10/ Сборъ съ к заковъ торгующихъ, но не принадлежащихъ къ этому обществу. 11/ Сборъ с иногороднихъ за право торговли въ Черноморіи, 12/ Сборъ съ нихъ же процентовъ съ объявленныхъ торговыхъ капиталовъ. 13/ Вычеты уза коненныхъ процентовъ изъ жалованія чиновниковъ внутренней службы. 14/ Сборъ за довольствіе съ частныхъ конскихъ табуновъ на войсковой землѣ, 15/ Платежъ за печатаніе въ войсковой типографіи постороннихъ бумагъ. 16/ Выручка по разнымъ хозяйственнымъ

оборотамъ въ войскеи І7. Узаконенный сборъ съ дворовыхъ людей чиновниковъ на земскую повинность.

§ 399. Войсковое начальство строго наблюдаетъ за поступлениемъ доходовъ, въ определенное время и въ полномъ количестве, и заботится объ усиленіи доходовъ открытиемъ новыхъ къ тому источниковъ.

§ 400. За темъ, порядокъ управления войсковыми доходами, объ разъ употреблении ихъ, ведение прихода и расхода и самая отчетность, устанавливаются те же, какія предписаны для войска Донскаго.

Гл. II. — О питейныхъ сборахъ.

§ 401. Въ пользу войскаго капитала Черноморскаго казачьяго войска предоставляются питейные сборы, на пространстве всей Черномории.

§ 402. Правила для сихъ сборовъ определяются откупными условиями, на каждое четырехлетіе, собственно для Черноморскаго войска постановляемыми.

Гл. III. — О торговле и промышленности.

§ 403. По силе дарованныхъ Черноморскому казачьему войску привилегій, всемъ жителямъ изъ сословія онаго, принадлежитъ право свободной торговли и промышленности, какъ внутри войсковыхъ пределовъ, такъ и вне оныхъ.

§ 404. Предметы внутренней и внешней торговли казаковъ, порядокъ производства оной, обязанности и отношенія лицъ, торговлю занимающихся, определяются правилами, о торговле войска Донскаго постановленными.

§ 405. Согласно симъ правиламъ Черноморскіе торговые казаки разделяются: на занимающихся торговыми делами только временно, т. е. пока не доходить служебная очередь и на поступающихъ въ особое торговое общество съ личнымъ освобожденіемъ ихъ отъ службы военной и гражданской.

§ 406. Въ составъ торговаго общества принимается не более двухъ сотъ служащихъ казаковъ по всему войску.

§ 407. Вступающіе въ сие общество казаки вносятъ въ войсковой доходъ, для составления войскаго капитала по 57 р. 50 к. серебромъ въ каждый годъ.

§ 408. Правила для записки въ общество, какъ равно обязанности и преимущества торговыхъ казаковъ Черноморскаго казачьяго войска суть те же, какія установлены для торговаго общества казаковъ войска Донскаго.

§ 409. По сопредельности войска Черноморскаго съ землями Горскихъ народовъ, учреждается меновая съ сими народами торговля посредствомъ особыхъ меновыхъ дворовъ.

§ 410. Войсковое начальство составляетъ для сей торговли правила, и черезъ Командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черномории, представляетъ въ Военное Министерство, для поднесения на Высочайшее утверждение.

Гл. IV. О войсковыхъ весахъ.

§ 411. На пространстве Черномории во всехъ торговыхъ мѣстахъ, имеются весы войсковые.

§ 412. Сборъ съ весовъ устанавливается таксою, утверждаемой Командующимъ войсками на Кавказской линіи и въ Черномории и обращается сполна въ войсковой капиталъ.

§ 413. Взимание этого сбора лежитъ на попеченіи Войскаго правления.

§ 414. Оно производитъ сборъ сей, или посредствомъ местной полиціи, или отдаетъ его на откупъ, съ условіемъ въ семъ пос-

леднемъ случае, чтобы все покупаемое войскомъ, было взвешиваемо безденежно.

Гл. V. — О соляныхъ озерахъ.

§ 415. Въ пределахъ Черноморскаго войска имеются соляныя озе-
ра: Ачуевское, Охтарское, Ясенское и Бугазское.

§ 416. Право на добывание изъ сихъ озеръ соли, принадлежитъ
исключительно войску.

§ 417. Добываемая соль употребляется собственно въ войске
и вывозъ оной за пределы войсковые воспрещается.

§ 418. Добывание соли и продажа оной, производится по рас-
поряжению Войсковаго Правления.

§ 419. Войсковые жители могутъ покупать соль прямо отъ озеръ
оптомъ, не менее 50 пудовъ и изъ войсковыхъ магазиновъ, не
менее 10 фунтовъ.

§ 420. Соль сия отпускается, какъ отъ озеръ, такъ и отъ мага-
зиновъ, по темъ ценамъ, на что она будетъ обходиться ежегодно
войску: а/ при озерахъ, и б/ съ перевозкою въ магазины, съ добав-
лениемъ въ обоихъ случаяхъ, по десяти процентовъ въ пользу вой-
сковаго капитала.

§ 421. Войсковымъ жителямъ дозволяется также добывать соль
и прямо изъ озеръ, собственными способами, но только для домаш-
няго употребленія: чиновникамъ до ста, а казакамъ до пятидесяти
пудовъ въ год, на семейство.

§ 422. За добываемую такимъ образомъ соль, войсковые жители
платятъ въ пользу войска акциза по 4 $\frac{2}{7}$ к. сер. за пудъ.

§ 423. Вообще, по предмету добыванія соли распоряженіемъ
Войсковаго Правления и продажи оной, какъ прямо отъ озеръ, такъ
и изъ войсковыхъ магазиновъ, войсковое начальство составляетъ
подробныя правила и черезъ Командующаго войсками на Кавказ-
ской линіи и въ Черноморіи, представляетъ въ Военное Министер-
ство, для поднесенія на Высочайшее утверждение.

Гл. VI. — О рыбной ловле и промышленности рыбю.

§ 424. Въ войске Черноморскомъ, независимо отъ Ачуевскаго
рыболовнаго завода, составляютъ впредь исключительную собствен-
ность войска и рыболовныя места: на косахъ, по берегамъ моря, въ
лиманахъ и гирлахъ.

§ 425. Рыболовства сии, по примеру Ачуевскаго завода, отдают-
ся въ откупное содержаніе съ торговъ въ Правительствующемъ Се-
нате.

§ 426. Доходы отъ Ачуевскаго завода, поступаютъ все, препреж-
нему, въ войсковой капиталъ.

§ 427. Изъ числа доходовъ, отъ прочихъ за темъ рыболовныхъ
местъ, войску принадлежащихъ, одна половина обращается въ тотъ
же войсковой капиталъ, а другая въ станичныя капиталы, на от-
правление общихъ по сему положенію станичныхъ надобностей.

§ 428. Рыболовство въ водахъ, внутри Черноморіи, остается на
прежнемъ основаніи.

§ 429. По сему каждый житель станицы имеетъ равное право
на рыбную ловлю въ рекахъ и озерахъ, на пространстве станичнаго
юрта содержащихся.

§ 430. Продажа рыбы внутри Черноморіи и вывозъ оной за пре-
делы ея, остаются свободными, и сбора за сие пошлинь не полага-
ется.

Гл. VII. — О добываніи нефти въ пределахъ оной.

§ 431. Къ числу источниковъ богатства, заключающагося въ нед-
рахъ земли Черноморскаго казачьяго войска, принадлежитъ добы-
ваніе нефти.

§ 432. Добываемая нефть поступает в собственность войска.

§ 433. Она хранится в магазинах, устроиваемых войсковым начальством, с утверждением Военного Министерства, по мере действительной надобности, и назначается оттоль в продажу.

§ 434. Продажа нефти производится по цене, Войсковым Начальством ежегодно устанавливаемой, с утверждения Командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории.

§ 435. Для точнейшаго изыскания нефтяных источников и правильного направления работ, в распоряжение Войскового Правления назначается опытный чиновник горнаго ведомства.

§ 436. Подъ ведениемъ его, къ разработкѣ нефти наряжается ежегодно, въ летние мѣсяцы особая команда, изъ 100 казаковъ внутренней службы, при одномъ офицере въ званіи Смотрителя, и 5-ти приказныхъ.

§ 437. Казаки сии, сверхъ указанной дачи провианта, получаютъ за каждое ведро нефти, добытой изъ колодцевъ, по 5 коп., а изъ песка по 6 коп. серебромъ, изъ доходовъ отъ продажи нефти получаемых.

§ 438. Приказнымъ, независимо отъ платы наравне съ рабочими производится особо по 3 коп. сер. за каждое ведро добытой нефти.

§ 439. Для облегчения казаковъ въ нарядѣ ихъ къ добыванію нефти, могутъ быть нанимаемы для сего и посторонние люди. Плата имъ не должна превышать двойную цену противу той, которая казакамъ назначается.

§ 440. Горный чиновникъ и Смотритель, во всехъ действияхъ своихъ по нефтяной операции, обязываются отчетностью Войсковому Правлению.

§ 441. Войсковое Правление снабжаетъ ихъ для сего нужными формами, наставлениями и книгами.

§ 442. Войсковое Правление о количестве добытой нефти и полученной отъ продажи оной прибыли, по истечении каждаго года, доносить Департаменту Военныхъ Поселений.

§ 443. Никто изъ частныхъ лицъ не имеетъ права добывать нефть; но покупка оной изъ войсковыхъ магазиновъ для продажи внутри и вне войска не воспрещается.

§ 444. Отпускъ нефти изъ войсковыхъ магазиновъ жителямъ войска производится по ценамъ ежегодно устанавливаемымъ съ утверждения Командующаго войсками на Кавказской линии и в Черномории.

Гл. VIII. — О войсковыхъ лесахъ.

§ 445. Войсковые леса около города Екатеринодара и Ольгинскаго укрепления, занимающие пространство до 2.400 десятинъ, составляютъ неприкосновенное войсковое имущество.

§ 446. Никакая часть войсковыхъ лесовъ, не можетъ быть отведена въ частное владение.

§ 447. Войсковые леса состоятъ въ непосредственномъ распоряжении Войскового Правления.

§ 448. Всякая самовольная порубка леса подвергается виновнаго суждению по законамъ, со взысканиемъ въ пользу войска Импера-
фа, на основании общихъ узаконений.

§ 449. Для присмотра за войсковыми лесами, Войсковое Правле-
ние, съ утверждения Наказнаго Атамана, назначаетъ Смотрители изъ
благонадежныхъ войсковыхъ чиновниковъ, въ домохозяйстве сведу-
щихъ, съ содержаниемъ по штату/§265/.

§ 450. Къ Смотрителю командирруется одинъ урядникъ и нужное
число казаковъ внутренней службы. Число сихъ казаковъ войско-
вое начальство представляетъ на утверждение Военнаго Минис-
терства.

§ 451. Обязанность Смотрителя разделение войсковыхъ лесовъ
на правильные лесосеки, случаи, въ коихъ рубка сихъ лесовъ до-
зволается, и вообще все распоряжения Войскаго Правления по хо-
зяйству лесовъ, подробно определяются правилами существующими
на сей предметъ въ положении войска Донскаго.

Отд. V.-О по земельнымъ довольствиямъ.

§ 452. Все земли, принадлежащая Черноморскому казачьему вой-
ску, разделяются сообразно надобности войска.

§ 453. Мера поземельныхъ довольствий, согласно положению вой-
ска Донскаго определяется служащимъ и отставнымъ: генералу 1500
десят., штабъ-офицеру 400, оберъ-офицеру по 200 десят., нижнимъ
чинамъ по 30 десят. на душу.

§ 455. Чиновники, пользуясь землею на общемъ станичномъ пра-
ве, въ число определенныхъ § 353-мъ десятинь, получаютъ 2/3 па-
хотной и сенокосной земли, а 1/3 остается въ общемъ станичномъ
пользовании для пастьбы ихъ скота. Получивший пай, можетъ пере-
дать оный по добровольной сделке, въ пользование другаго.

§ 456. Къ станичнымъ юртамъ сообразно войсковой надобности
примежевываются земли: 1/ для пастьбищъ и заготовления сена ка-
зачьимъ и артиллерийскимъ лошадямъ полковъ и командъ содержа-
щихъ кордонную линию, равно и резервовъ, выходящихъ въ подкреп-
ление линии. 2/ Для производства ежегодныхъ смотровъ и учений
л.-гв. казачьяго Черноморскаго эскадрона, и 3/ для сборныхъ местъ
полковъ въ военныхъ округахъ и на границахъ войска.

§ 457. Съ примежеваниямъ къ станичнымъ юртамъ помянутыхъ зе-
мель, станичное начальство обязано удовлетворять сии назначения
с соблюдениемъ при томъ, въ отношении отводовъ участковъ полкамъ
и командамъ, кордоны занимающимъ, чтобы пастбища для нихъ были
отводимы близъ постовъ, а сенокосныя места, для безопасности, въ
некоторомъ отдалении отъ линии.

§ 458. Сверхъ вышеозначенныхъ стводовъ назначаются земли:
а/ для городского выгона г. Екатеринодара, на основании 286 ст.
10 т. Свода Межевыхъ Законовъ, кроме той земли которая причита-
ется городу по числу жителей., и б/ для содержания почтовыхъ
лошадей по положению войска Донскаго.

§ 459. Все прочее пространство войсковыхъ земель, остающее-
ся свободнымъ, войсковое начальство отдаетъ въ оброчное содер-
жание, съ публичныхъ торговъ на общихъ основанияхъ.

§ 460. За темъ все правила о поземельномъ довольствии вой-
ска Донскаго, сколько оныя могутъ быть применены къ настоящему
положению, принимаются въ руководство по Черноморскому войску
и приводятся въ исполнение особою Межевою Комиссиею/ § 6/

Отд. VI.-О повинностяхъ въ Черном. Войске.

Гл. I.-О поставке рекрутъ.

§ 461. Исправление рекрутской повинности въ земле войска Чер-

номорского производится на основании Рекрутского Устава деньгами.

§ 462. Исполнением сей повинности обязаны только дворовые люди, чиновникамъ Черноморского войска принадлежащие, какъ сие и ныне существуетъ.

Гл. II. — Содержание почтовыхъ станций.

§ 463. Почтовая повинность въ пределахъ Черноморского войска, отправляется наймомъ, на основани общаго въ государстве о томъ положенія.

§ 464. За симъ нарядъ на почтовья станции казаковъ и ихъ лошадей, навсегда отменяется.

§ 465. Содержание почтовыхъ станций, равно построение станционныхъ дворовъ и исправное содержание оныхъ, относится на суммы войсковья.

§ 466. Почтовья станции на всемъ пространстве земли Черноморского войска, состоятъ въ полномъ заведываніи почтоваго управления.

§ 467. Войсковое правление со своей стороны содействуетъ по почтовому управленію въ устройстве этой части вообще и наблюдаетъ, чтобы на станцияхъ непременно содержалось положенное число лошадей, для езды способныхъ, съ надежною упряжью, повозками и возчиками.

§ 468. На содержание почтовыхъ станций по всему войску, допускаются къ торгамъ, какъ войсковые жители, чиновники и казаки, такъ и иногородние; верное же исполнение ими принятыхъ обязанностей, обезпечивается узаконеннымъ залогомъ.

§ 469. Въ отношеніи производства торговли и опредѣленія условий для содержания почтовыхъ станций и по всемъ прочимъ предметамъ, до части сей относящимся, Войсковое Правление руководствуется правилами, по сему же предмету въ войске Донскомъ существующими.

Гл. III. — Общая повинности.

§ 470. Къ числу общихъ повинностей войсковыхъ принадлежатъ:
1/ Содержание въ исправности дорогъ, мостовъ, гатей и перевозовъ
2/ Все местныя обязанности, встречаемыя при переходахъ воинскихъ командъ черезъ Черноморію, относительно ихъ квартированія продовольствія, и вообще доставленія средствъ къ удобнейшему следованію. 3/ Препровождение арестантовъ. 4/ Земская почта и
5/ Снабженіе присутственныхъ местъ и прочихъ заведений въ войске топливомъ, сообразно местнымъ къ тому способамъ.

§ 471. Все сии повинности отбываются въ Черноморскомъ войске на основани общихъ государственныхъ постановленій, и положенія войска Донскаго.

Последнимъ отделомъ Положенія о Войске Черноморскомъ, является

Отд. VII. — О благоустройстве вообще, въ который входятъ главы: 1/ О духовенствѣ и церквяхъ, 2/ Объ учебныхъ заведеніяхъ и 3/ О богоугодныхъ заведеніяхъ.

Духовенство Черноморского Войска подчинялось Новочеркасскому епархиальному управленію.

Оно состояло изъ причта Войскового собора, другихъ церквей въ Екатеринодарѣ и станичныхъ церквей.

Кроме того въ Черноморіи была "Екатерино-Лебежская Николаевская пустынь" — мужской монастырь, основанный въ 1794 г.

Причтъ Войскового собора состоялъ изъ: Протоиерея, 3-хъ священниковъ, 2 дьяконовъ, 3 дьячковъ. Кроме того 3 пономаря и одна просвирня.

На основании Высочайшего указа 30 июля 1992 года, священники Войскового собора должны были исполнять духовные требы и на кордонной линии.

Священно и церковно служители Войскового собора получали жалование, остальные пользовались доходами от своих приходов и от земель.

Штат Екатерино-Лебежской/Лебяженской/пустыни состоял из: архимандрита, казначея, 10-ти иеромонахов, 4-х иеродиаконов, 22 монахов, пономаря и просвирника. Кроме того, при пустыни было 16 казаков-служителей. Все они, начиная с архимандрита, получали небольшое жалование. Пустынь получала доходы от рыбных ловлей на озере трех ветряных и одной водяной мельниц близь станиц Брюховецкой, Переяславской и Староминской, а также узаконенного количества земли для хлебопашества.

Черноморское духовенство происходило из черноморцев и готовилось в Духовном училище в Екатеринодаре.

В Положении о Войске не упоминается о войсковой гимназии, которая существовала в Екатеринодаре с 1820 г. Видимо оно ее не коснулось; но говорится об Екатеринодарском Уездном училище, переименованном в Войсковое окружное училище. В нем преподавались предметы как в первых четырех классах гимназии. Ежегодно, из числа отличнейших учеников, пять человек, по окончании курса отправлялись для продолжения образования в Кавказскую областную гимназию, а оттуда, по удостоении, в Харьковский университет. Остальные отправлялись домой для дальнейшей службы.

Независимо от сего было войсковых спесенциантов: 4 в Артиллерийском училище и 10 в кадетских корпусах.

Для призрения "отягченных старость, убогих, безприютных и лишенных сил к пропитанию" были учреждены богадельни в Екатеринодаре и при Екатерино-Лебежской пустыни. Первая на 15 мужчин и 15 женщин и при ней отделение для умалишенных. Вторая на 30 человек.

На поступление в богадельню имели право преимущественно раненые и калеки из офицеров и казаков неимеющих ни собственных средств к пропитанию, ни родственников, которые могли бы позаботиться о них.

Положение 1842 года заканчивается несколькими параграфами об "инородцах"

§ 496-й, говорит о них так:—"Въ пределах Черноморскаго казачьяго войска обитають инородцы под наименованием: 1/ Владельцевъ, 2/им подвластныхъ, 3/вольныхъ Черкесъ и 4/ Армян."

Войсковому начальству ставилось в обязанность собрать точные сведения о всех инородцах и об их правах, а также представить предложение об их устройстве.

Эти "инородцы" одновременно, добровольно, с разрешения русского правительства переселились на землю Черноморскую. Их было много и приняты они были на разных основаниях.

Примечания: 1-В вышеприведенной в сокращенном виде части Положения о Черноморском Войске 1842 г., места взятые из него дословно, означены знаком § и напечатаны по орфографии того времени.

2-В Положении ничего не говорится о Мариинской женской обители уже тогда существовавшей в Черномории. Видимо этим Положением в жизнь ее не было внесено изменений.

Ред.

ОТРЫВОК ВОСПОМИНАНИЙ О КУБАНИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА.

Казак станицы Динской, доктор медицины С.М.Мащенко, родившийся в 1859 и скончавшийся в 1951 году, выросший на Кубани и всю свою службу там прослуживший, написал, в виде письма своему сыну, ныне покойному инженеру С.В.Мащенко, воспоминания, в которых есть много интересного для всех нас.

В последующих номерах Сборника будет напечатана его биография и отрывки из его воспоминаний, из которых первым является ниже печатаемый, относящийся ко времени его детства.

Ред.

Кубанская равнина в 60-х годах и раньше представляла почти девственную степь.

Население занималось, главным образом, скотоводством. Сеяли не много, только для собственной надобности и потому посевы, в виде отдельных нив, встречались только вблизи станиц и хуторов.

Эти безпредельные степи, покрытые густой травой чуть ли не в рост человека, в перемешку с терновником, родившими отличный терен, который мы мальчишками, целыми ватагами ходили осенью собирать, крепко врезались в мою память.

На Черномории, кроме станиц, было много хуторов, как панских, так и простых казаков. Помню почти сплошные хутора вверх и вниз по реке от нашей станицы Динской. Вниз-хутора Бойка, Петровского, Вербицкого, Дубины, Черного/впоследствии Кифы/ и др. Вверх от станицы были хутора Шмигуна, другого Вербицкого, Полякова, Упыря, Бурсака, Мазана, Тарносского, Кирьмы, Бурулла и др.

В дальнейшем, при размежевании станичных юртов и наделении офицеров и чиновников землей в собственность, хутора казаков были уничтожены и владельцы их переселились в станицу. Хутора же панов, за малым исключением, остались ибо при них были отмежованы ихние офицерские участки.

Насколько было развито в то время скотоводство примером может служить наша Динская. В ней, тогда сравнительно небольшой станице, было два общественных стада рогатого скота. Такое большое стадо называлось "чередом". Одна череда собиралась по утрам возле кладбища и угонялась на пастьбу в толоку к северо-западу от станицы, а другая - на юго-восточной окраине ее и угонялась в толоку к юго-западу. Первая в полдень приходила на водопой к Кочетям возле Кифы, а вторая возле Бурсака.

Для каждой череды станичное общество нанимало надежного пастуха/"чередняка"/ который от себя уже имел подпасков.

Чередняк имел право приходить с подпасками вечером/ужинать/, по очереди к тому или другому хозяину скотины, которая была в его черед. Это условие - по договору с Обществом.

Кроме двух общественных черед, в станице было несколько небольших стад, называемых "кущанки", принадлежавших отдельным замкнутым казакам и паслись они отдельно от черед, своими пастухами в станичной толоке, простиравшейся на 10-15 верст к западу и северу от станицы.

Хуторяне имели свои стада скота и овец. Кущанки овец имели и многие казаки в станице. У нас/у бабушки/ было 30-40 голов рогатого скота, который выгонялся в череду.

В те времена в Черномории хлебопашество было развито слабо, почему она и являлась почти сплошной степью.

Сеяли черноморцы хлеба мало, чтобы только хватило на "харч" и только пшеницу, ячмень, овес, подсолнухи/"сояшник", чтобы была "олия" и было что "лускать"/. Сажали картошку, немного фасоли, гороху и обязательно "баштан".

Тогда сеяли где попало и где кому нравилось. Тогда не была еще земля разделена на станичные юрты. При большом количестве скота, требовались большие запасы сена, но степи были настолько обширны, что хватало их и для подножного корма скота и для заготовления сена и еще много оставалось его нескошенного.

Поздней осенью и ранней весной степи выжигались частью случайно, частью чтобы выжечь старую траву, почему и были степные пожары. Зрелище такое как в Екатеринодаре, когда горели за Кубанью сухие камыши — днем дым, а ночью зарево. Иногда эти степные пожары подходили близко к жилищам и угрожали хуторам. Тогда из станицы высылали тушить их. Помню мы-мальчишки бегали верст за 7-0 "тушить-пожар"

Черномория представляла действительно "Вольную Кубань": безпределные пустынные степи по которым бродили табуны лошадей и отары овец. Старики рассказывали, что в былое время табуны лошадей бродили по всей Черномории и доходили до Екатеринодара. Хозяева не знали где они, а когда надо было их проведать, чтобы узнать все ли благополучно, приходилось ездить по станицам и хуторам и спрашивать жителей о них.

Помню как я мальчиком ездил из Динской в гимназию в Ейск. Проезжали следующие станицы: Старомышастовскую, Медведовскую, Брюховецкую с Переяславскою/они почти рядом/, Каневскую, Стародеревянковскую, Новодеревянковскую и Новоцербиновскую, а иногда сокращали путь и из Новодеревянской ехали степью прямо на Ейск.

Впечатление от черноморских степей того времени, полученное во время этих поездок резко сохранилось в моей памяти до сих пор.

Так как путь наш лежал с юга на север, а многочисленные черноморские речки текут с юго-востока на северо-запад, то пересекая их, углубляешься в пустынные степи. Только издали виднеются бывало хутора, расположенные у речек. Пустынная степь оживлялась иногда видной с дороги отарой овец и чабаном, едва видимых из высокой травы. Если отара находилась близь дороги, то развлекала стая собак, бросавшихся на проезжающих.

Особенно скучно было проезжать степи между станицами отстоящими далеко друг от друга, как между Медведовской и Брюховецкою/40 верст/. Когда ехали на быках, то чтобы проехать это расстояние надо было полтора-два дня. Весь же путь от динской до Ейска совершали на быках ровно неделю.

Тогда железных дорог не было и было развито чумачество. Чумак — это подводчик с возом запряженным волами, перевозивший товары на большое расстояние.

Гарб и мажар тогда не было, а были возы — небольшие сравнительно телеги. Если такая телега была меньшего размера для запряжки одною лошадию, то называлась она повозкою.

Чумаки отдельно не ездили, а всегда собирались большими компаниями и шли обозом в 30-40-50 и больше подвод.

Из Екатеринодара на север было две чумацкие дороги/шляхи/, одна на Новотитаровскую, Медведовскую, Брюховецкую, Каневскую и далее на север. Другая Пластуновскую, Платнировскую, Креновскую, Березанскую и далее. В Кущевской этот шлях сходил с первым и шел дальше

на Ростов.

Так как мы ездили на свой "сткп" через Кифину греблю, то часто приходилось видеть обозы чумаков и иногда при встрече с ними у гребли приходилось долго стоять пока проедут чумаки.

Чумаки ходили только с половины весны до половины осени, т.е. когда был подножный корм, ибо фуража для волов они не брали: по всему пути, в их распоряжении был неистощимый запас корма в обширных и пустынных степях.

Идет такой обоз в 50-60 подвод, степным шляхом. Время к обеду. Нужно и волов покормить и самим поест. Сворачивают везы с дороги, волов/100-120 голов/ выпрягают и пускают в высокую траву. Быки пасутся, а чумаки варят кашу с салом для обеда. Привал длится часа 2 - 3. К вечеру, часов в 5 опять привал и в третий раз за сутки ночью "повоцевать" часа на 4-5. А сыдо чумацких волов пасется в привольных кубанских степях и никому от этого никакого урона и убытка нет - нико не запрещает, нико не протестует. Одним словом - полная вольность.

До размежевания земель на Кубани, земля была обще-казацья и станицы пользовали для посевов и сена близкие к станице пространства, отдаленные же от станиц на 15-20 верст степи оставались девственными, разве иногда по ним пройдет табун лошадей или отара овец.

До размежевания в Черномории иногородних не было и я помню как в Динской появился первый иногородний/городовык/ что составило целое событие. Это был отставший от чумаков иногородний по фамилии Кривонис. Тогда в Динской ^{было} только три торговца: два армянина и один русский по фамилии Беликов., который имел лавку и кабак. Его фамилию мало кто знал, а известен он был под кличкой "бородатый/он имел длинную бороду/, или "старый кабаччик"

С размежеванием земель и отводом офицерских участков, когда явилась возможность брать в аренду землю, на Кубань хлынула волна иногородних.

Я помню как на нашей земле появились первые арендаторы. Это была большая семья крестьянина Воронежской губернии Василия Федотовича Лыжникова.. Семья эта состояла из главы ее, трех семейных сыновей и одного еще не женатого. Они прибыли на лошадях в кибитках; вырыли землянки и жили в них первое время, потом построили хаты. После смерти старика разделились и скоро разбогатели.

Первое время они платили моей матери за десятину в год 1 рубль.

Снимали они 100 десятин, а 20 десятин, поближе к станице, мать оставила для себя.

Лыжниковы за 100 десятин платили 100 рублей, а зарабатывали, несомненно, много больше, т.к. сразу произвели большие запашки и делали посев главным образом пшеницы, которая на целинных землях давала отличный урожай.

С размежеванием земли на станичные юрты и офицерские участки, в распоряжении Войска остались большие пространства, так называемые "запасные войсковые земли". Этими землями воспользовались овцеводы, переселившиеся на Кубань из южных губерний и арендовавшие у Войска землю для выпаски овец, по 3-5 копеек за десятину.

Эти овцеводы известны были под общим наименованием "тавричане", так как переселились они, главным образом, из Таврической губернии. Это были: Пеховские, Мазаевы, Николенко, Петрики и др.

Причины по которым на Кубань хлынула масса русских крестьян были таковы: 1/С размежеванием земель явилась возможность нанимать плодороднейшие кубанские земли. 2/В 1861 г.

было упразднено крепостное право на Руси. Крестьяне были освобождены от помещиков, но земельные наделы они получили очень скудные и им не на чем было вести свое хозяйство, почему они принуждены были нанимать землю у помещиков по, сравнительно, дорогой цене. 3/ Крестьяне/главным образом южных губерний/отлично были знакомы с плодородием и привольем кубанских земель, так как они ежегодно весной наводняли казачьи края в качестве косарей.

Так как в Черномории до 70-х годов преобладало скотоводство, то нужно было делать большие запасы сена. Казаки своими силами не могли с этим справиться, так как в то время косилок еще не было а сенокос надо было закончить в течение месяца мая, поэтому казаки очень нуждались в пришлой рабочей силе.

Я помню как у нас, в Динской, с конца апреля и до июня, по воскресениям вся церковная площадь бывала ^{заполнена} кибитками косарей и отдельными группами их, обыкновенно лежащих под церковною оградой и заборами. Особенно много их бывало под нашим забором, так как наши высокие акации защищали их от солнца.

По окончании службы в церкви, казаки шли домой обедать, а после обеда возвращались на площадь нанимать косарей. Те, кто жил далеко от церкви, нанимали косарей сейчас же по выходе из церкви. К вечеру площадь пустела, все косари были разобраны; разве только небольшие группы задерживались в кабаке или выпившие с утра, отсыпались под заборами. К утру понедельника уже никого не было.

Таким образом, крестьяне-косари из южных губерний отлично знали кубанские земли.

Благодаря вышеизложенному, Кубань впитала в себя массу иногороднего элемента.

Когда я был мальчиком, в станицах/в нашей Динской/ иногородних были единицы в качестве ремесленников, торговцов и т.д. А когда мне было под 60 лет, иногороднего населения в Кубанской области было больше коренного казачьего населения. Это свершилось за какие-нибудь 40-50 лет.

Я кажется уже говорил, что казачьи офицеры были наделены земельными участками взамен пенсии.

После Крымской войны/1854-1855 г.г./, финансы России были истощены, а война дала много инвалидов, которым полагалась усиленная пенсия, правительство нового царствования-Александра II, решило взамен пенсии казачьим офицерам и чиновникам, нарезать земельные участки из Войсковой земли.

Приблизительно с 1870 года началось размежевание земель на юрты и выделение офицерских участков. Назначено было: генералам по 1500 десятин, штаб офицерам по 400 и обер офицерам по 200 десятин. Но так как земля на Кубани не везде была одинакового качества, то предварительно была сделана таксация, по которой были установлены 3 разряда. Земли близь Екатеринодара, как самые лучшие были причислены к I разряду, а поэтому обер офицеры получили, вместо 200 десятин по 120, штаб офицеры, вместо 400 по 240 и генералы вместо 100 десятин по 600.

Участки получили все офицеры и чиновники, как служащие, так и отставные, а равно их семьи: вдовы с детьми получили по 120 десятин, вдовы без детей по 60. Круглые сироты тоже получали наделы, но размер их я не знаю.

Офицеры и чиновники, получившие участки, не знали что с ними делать, так как арендаторов на первое время не было, как не было и покупателей. Поэтому многие из них рады были продать землю,

И таких было большинство. Например у нас в Динской: от нас влево-вверх по Кочетям было 2-3 участка; вправо, вниз по Бурсака всё были офицерские участки, прилегавшие к реке.

Все они продали свои участки и продали за безценок, как например довгий продал землю по 10 рублей за десятину и считал себя богачем, получив 1200 рублей.

Сохранился только наш участок. Все остальные проданы иногородним: разным Косицам, Панькам, Лыжникам и многим другим.

Нужно отдать справедливость моей матери. Она была простая, малограмотная женщина, хотя и дочь священника, но она предвидела и понимала, что участки в непродолжительном времени будут иметь иную ценность и низачто не хотела продавать землю, хотя покупатели и были. Жилось ей без пенсии, с 5-ю детьми очень тяжело. Если бы она не была такой дальновидной, не было бы у нас и хуторка!

С. М а щ е н к о

О РЫБОЛОВСТВЕ В ЧЕРНОМОРЬИ.

Как сказано было в Положении о Черноморском Войске 1842 года, каждый казак имел право на свободную рыбную ловлю в всех водах в юрте своей станицы. Пойманную рыбу он имел право продавать безпошлинно не только внутри Черноморья, но и вне пределов ее безпошлинно.

О черноморском же рыболовстве, наш историк Ф. А. Щербина говорит так:

— Прибрежья Азовского моря, Кубань, некоторые степные речки, лиманы и плавни были превосходными рассадниками рыбы, плодившейся здесь миллиардами.

Старожилы рассказывают просто чудеса об этомъ.

Весною, когда белая рыба-сула/судак/, тарань/вобла/, чабакъ/лещь/, карп и пр. шла изъ моря метать икру въ плавни, лиманы и реки, то собиралась въ столь огромные стада, что ночью у берегов, слышался безконечный шумъ и гулъ, производившийся рыбою въ воде; на обратномъ пути по такимъ речкамъ, какъ напримеръ Чёрный Ерокъ близъ Петровской станицы, вода выходила изъ береговъ отъ столпившейся рыбы и местами, какъ въ устье Бейсуга у Бриньковской станицы, буквально таки запружала речное русло, такъ что по рыбе, какъ по плотине, можно было переходить съ берега на берегъ. Въ такъ называемыхъ "сладкихъ" лиманахъ белая рыба метала въ такомъ количестве икру, что нельзя было зачерпнуть въ ковшъ воды безъ того, чтобы не захватить въ него мелкой рыбешки; в некоторыхъ речкахъ какъ спадала вешняя вода, въ заводяхъ оставалась "заблудившаяся" рыба и ее здесь просто руками брали не исключая даже красныхъ породъ — осетра и севрюги. Однимъ словомъ рыболовныхъ угодий и рыбы было такъ много въ Черноморьи, что местное население не только въ избытке пользовалось рыбою, но и сбывало ее въ большомъ количестве во внутренния части России, преимущественно въ Новороссию и Малороссию, куда вяленую и соленую рыбу отвозили чумаки тысячами возовъ.

Ф. А. Щ е р б и н а .

ВЫПИСКА ИЗ ВЫСОЧАЙШАГО ПРИКАЗА 6 августа 1913 года.
По Военно-Учебным заведениям.

Производятся
в хорунжие
со старшинст.
с 6 авг. 1912

НИКОЛАЕВСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА.

Из портупей-юнкеров НЕСМАШНЫЙ и из юнкеров ГА-
лушко-оба в I-й Таманский генерала Безкровного п
Из юнкеров ПЕРЕКОТИЙ в I-й Уманский бригадира
Головатого полк

Из портупей-юнкеров СКОРОБОГАТЫЙ-- в I-й Запорож-
ский Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОМ полк.

Из юнкеров:

ПОДГУРСКИЙ и ИГНАТЕНКО-оба в I-й Черноморский п.
ВИННИКОВ и РУДЬКО-оба в I-й Полтавский Кошевого
Атамана Сидора Белого полк.

Из портупей-юнкеров ГАЛУШКИН и из юнкеров МИЩЕНКО
-оба в I-й Екатеринодарский Кошевого Атамана Че-
пиги полк.

Из юнкеров:

АБАШКИН и КРАВЧЕНКО-оба в I-й Таманский генерала
Безкровного полк

НЕКРАСОВ и МАГЛИНОВСКИЙ-оба в I-й Кавказский На-
местника Екатеринославского, генерал-фельдмарша-
ла князя Потемкина Таврического полка.

ЛАГУНОВ и СОКОЛОВ-оба в I-й Кубанский генерал-фель-
дмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полк.

БУЛАВИН-в I-й Линейный генерала Вельяминова полк

Из юнкеров: ЕЛИСАВЕТГРАДСКОГО КАВАЛЕР.УЧИЛИЩА:

Со старшин
со дня вып.

КОЛЕСНИКОВ-в I-й Уманский бригадира Головатого п

ТВЕРСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА:

Со старшин
с 6 авг. 1912

Из юнкеров НЕПОКУПНОМ - в I-й Линейный генерала
Вельяминова полк.

ПАВЛОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портупей-юнкеров ПОГОРЕЛОВ- в 4-й Пласт. бат.

АЛЕКСЕЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портупей-юнкеров ШЕВЧЕНКО-в 3-й Пласт. бат.

ПАВЛОГРАДСКИЙ в 4-й " "

Из юнкеров-ЛАВРОВСКИЙ- в 6-й Пласт. батальон.

КИЕВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портупей-юнкеров МАГЛИНОВСКИЙ-в 6-й Пласт. б.

КАЗАНСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портупей-юнкеров ПУЛИН- в 6-й Пластунский б.

Со старш.с
6 авг.1912.

ОДЕССКАГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портупей-юнкеров ЧЕРНЫЙ--во 2-й Пластунский бат.

ТИФЛИССКАГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА:

Из портп.юнкеров АГАПОВ-- Во 2-й Пластунский бат.

НЕЧИПОРЕНКО-- в 3-й Пластунск.бат.

КАМЫШАН /Герман/--в 4-й Пласт. бат.

КАМЫШАН /Сергей/--в 5-й Пластун.батт.

Из юнкеров--ВАНЖА и НИКИША--оба в 6-й Пласт.бат.

МИХАЙЛОВСКАГО АРТИЛЛЕРИЙСКАГО УЧИЛИЩА:

Со старш.с
6 авг.1911

Из юнкеров БЕЛГОРОДСКИЙ и ГОЛУБЕНКО--оба в 1-ю Кубанскую батарею.

КОНСТАНТИНОВСКАГО АРТ.УЧИЛИЩА:

Дополнительным Высочайшим приказом от 30 сен.1913 г.

Из юнкеров КОРСУН-- в 3-ю Кубанскую батарею.

ОРЕНБУРГСКАГО КАЗАЧЬЕГО УЧИЛИЩА:

Со старш.с
6 авг.1912

Из пррт.юнкеров РЯДН ИНА/Алексей/-- в 1-й Екатери-
нодарский Кошевого Атамана Чепиги полк.

Из порт.юнкеров СЕМЕНИХИН/Гавриил/ и СЕМЕНЯКА/Ни-
колай/--оба в 1-й Таманский генерала Безкровного п.

Из порт.юнкеров ВАЛУЙСКИЙ/Борис/ и БОРОВИК/Сергей/
оба в 1-й Хоперский Ея Императорского Высочества
Великой Княгини Анастасии Михайловны полк.

Из порт.юнкеров ЕЛИСЕЕВ/Федор/ и из юнкеров МЕЛЬ-
НИКОВ/Александр/и ХРАМОВ/Иван/--все трое в 1-й Кав-
казский Наместника Екатеринославского, Генерал-
Фельдмаршала Князя Потемкина Таврического полк.

Из юнкеров КРАВЦОВ/Никита/ и ПУЧКОВ/Алексей--оба в
1-й Уманский бригадира Головатаго полк.

Из юнкеров СЕРДЮК /Степан/ и САВЧЕНКО/Назарий/--
оба в 1-й Кубанский Генерал-Фельдмаршала, Великого
Князя Михаила Николаевича полк.

Со старш.с Из юнкеров ЯРЫШ/Захарий/--в 1-й Уманский бригадира
6 авг.1913. Головатаго полк

Из юнкеров БУЛАВИНОВ/Алексей/-- в 1-й Кубанский Ге-
нерал-Фельдмаршала Великого Князя Михаила Никола-
евича полк.

П о д п и с а л

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

Генерал-от-Кавалерии
СУХОМЛИНОВ.

Исправление:--В Высочайшем приказе о производстве в офице-
ры от 6 августа 1912 года, напечатанном в Ку-
банском Сборнике № 12/на стр.16-й, ошибочно
напечатано напечатано, что из Николаевского ка-
валерийского училища выпущен юнкер ГАЛУШКО, а
надо ГАЛУШКИН.

Ред.

ВЗЯТИЕ ЕКАТЕРИНОДАРА.
/ 2-го августа 1918 года/

Закончив I-й Кубанский поход, Добровольческая армия сосредоточилась, в двадцатых числах апреля 1919 года, на юге Донской области в районе станиц Мечетинской и Егорлыкской.

Здесь, в течение последних чисел апреля и в мае, прикрываясь с юга и юго-запада конницей генералов Эрдели и Покровского и будучи обеспечена с севера долами, постепенно очищавшими от большевиков свою область, Добровольческая армия отдохнула, пополнилась людьми, техническими средствами, оружием и огнестрельными припасами.

Почти одновременно с прибытием на Дон армии генерала Деникина, туда-же прибыла из Румынии I-я Отдельная русская бригада добровольцев полковника Дроздовского.

Она вошла в состав Добровольческой армии, значительно пополнив ее бойцами и дав ей, так недостающие технические средства и тяжелую артиллерию. Армия пополнялась ежедневно десятками и сотнями добровольцев, прибывавших с Украины, занятой немцами и из освобождаемых донцами мест.

Еще по пути Добровольческой армии с Кубани на Дон, в средних числах апреля отделился от нее, с небольшим конвоем генерал Покровский и в районе станиц Чезамаевской, Екатериновской, Новопашиковской и Кугоейской, из казаков названных и ближайших к ним станиц Ейского отдела, сформировал два конных полка, с которыми затем отошел на юг Донской области в сел. Гуляй Борисовка, где и оставался, прикрывая с этой стороны район расположения Добровольческой армии, вплоть до выступления ее во 2-й Кубанский поход.

В армию, с первых дней прибытия ее на Дон стали прибывать одиночками и небольшими группами Кубанцы и, наконец, в первых числах июня прибыла в Егорлыкскую ушедшие от большевиков из района Тихорецкой конная бригада в составе Кавказского и Черноморского полков.

Материальной частью и оружием добровольцы пополнялись главным образом с Дона.

К началу июня армия окрепла. Вместе с тем сведения доходявшие с Кубани говорили о том, что при движении туда, успех обеспечен, т.к. казаки не могут примириться с большевистской властью.

К этому времени, Кубанцы, составлявшие значительную часть Добровольческой армии были сведены:

В I-ю Конную дивизию генерала Эрдели, состоявшую из Черкесского, I-го Кубанского/впоследствии Корниловского/, I-го Кавказского и I-го Черноморского полков; в Конную бригаду генерала Покровского, состоявшую из 2-го и 3-го Сводно-Кубанских полков и из Кубанского Стрелкового полка. Кроме того, кубанцы были во всех частях Добровольческой армии.

П р и м е ч а н и е :

Статья эта была напечатана мною в 1923 году в журнале "Казацья Думы" за подписью В.Мельниковский /фамилия моей матери.

В.Н.

10-го июня начался 2-й Кубанский поход.

Генерал Деникин тремя колоннами перешел в наступление в общем направлении на Торговую, после занятия которой, 12 июня свернул вдоль железной дороги на Тихорецкую.

Наступление это было триумфальным шествием армии. Противник оказывал упорное сопротивление, но неизменно был бит. Кубанские казаки дружно шли на пополнение своих частей, которые быстро разворачивались и выделяли из себя новые части. За счет Кубанских казачьих частей выполнялись и Добровольческие части.

Иногороднее население Кубани от мобилизации уклонялось.

Таким образом количество Кубанских казаков в добровольческой армии дошло до весьма значительного процента.

После взятия 1-го июля станции Тихорецкой, противник, понесший значительные потери и оставивший в наших руках огромные трофеи, отступил, главным образом на Екатеринодар, частью на Кавказскую и частью вдоль железной дороги на север.

Ближайшей задачей армии было очищение от противника Черноморья, чтобы получить богатый источник пополнения и питания, продолжать освобождение Кубани.

Одновременно с наступлением главных сил Добровольческой армии на Торговую и далее на Тихорецкую, бригада ген. Покровского очищала от красных северо-восточную часть Черноморья.

К середине июля, когда главные силы ген. Деникина заняли ст. Кореновскую, главнокомандующий Сорокин, командовавший красными на Кубани, сосредоточил большую часть своих сил в районе Тимошевской и отсюда, потеснив наши конные части, ударил по Кореновской, заставив нашу армию отойти к Выселкам и Бейсугской станции.

"Известия" объявили Екатеринодару, что в Кореновской казаки на голову разбиты, что на церковной площади станции горы трупов, что командующий армией Деникин убит. Все это была обычная ложь комиссаров. В Кореновке наши части разбиты не были, а лишь под давлением подавляющих сил, на этот раз искусно направленных Сорокиным, отошли от нее.

Через несколько дней Кореновская вновь была занята нами, большевики отброшены к Екатеринодару, против которого тогда и началась операция добровольческой армии.

Главные силы армии наступали на Екатеринодар вдоль Тихорецкой и Кавказской железнодорожных веток, а Конная дивизия генерала Эрзели была направлена в охват с севера вдоль Кубанско-Черноморской железной дороги.

Дивизия, овладев без боя станицами Сергиевской и Старомышастовской и, встретив незначительное сопротивление под Новотитаровской, 29 июля подошла к Екатеринодарским садам.

Запорожцы и Уманцы/полки сформированные на походе, после занятия ст. Уманской и ее района/ наступали восточнее железной дороги, а Корниловцы западнее ее, составляя правый фланг армии и имея вправо от себя 15-ти верстную полосу местности, вплоть до Кубани, наблюдая ее своими разъездами.

Красные заняли впереди екатеринодарских садов позицию, местами усиленную окопами. Здесь были броневики и тяжелая артиллерия, расположенная за садами.

В течение 29 июля производилась разведка и изучение позиции противника - определялись более слабые места ее и силы ее занимавшие. Местность благоприятствовала обороне. Она была густо покрыта небольшими хуторками, полосами подсолнуха и кукурузы, усеяна копна

ми хлеба и скирдами соломы; изредка ее перерезывали сужие балки. Противник 29 июля оставался пассивным; наших разведчиков встречал ружейным и пулеметным огнем.

30 и 31 июля и 1 августа пехота противника неоднократно переходила в наступление вдоль Кубанско-Черноморской железной дороги, но неизменно была отбрасываема огнем и конными атаками казаков.

2 августа с утра большевики пытались вновь перейти в наступление, но Корниловцы, тесня противника и охватывая левый фланг его, достигли городских садов.

Около 2-х часов дня с наблюдательных пунктов было обнаружено начало отхода большевиков перед фронтом полка.

По получении и проверке этих сведений Командир Корниловского полка приказал одной сотне, прикрывая фланг дивизии, преследовать и если представится возможным, атаковать противника. Остальные сотни, с двумя орудиями, быстро выдвинутые вперед, сосредоточились к западу от городской окраины, на дороге из станицы Новомышастовской в Екатеринодар. На ферму, лежащую на берегу Кубани, где в аллее был убит генерал Корнилов, был выслан разъезд, который, найдя ее не занятой противником, повернул вдоль берега реки к Екатеринодару.

Таким образом все пути отхода из Екатеринодара на запад, около 4-х часов дня 2-го августа были перехвачены нами.

Когда полк подходил к юго-западной окраине городских садов, были обнаружены густые цепи противника,двигающиеся по подсолнечникам и кукурузе ему навстречу, в направлении Новомышастовской.

Видимо красные не ожидали встретить здесь нас.

Быстро ставшие на позицию два наших орудия открыли огонь, а две сотни, брошенные в атаку, заставили пехоту противника повернуть назад, на Екатеринодар к кожевенным заводам. Густота зарослей не позволила сотням довести атаку до конца.

Сотни были вновь собраны и полк, с орудиями, на намете, был направлен наперерез красным спешившим по новомышастовской дороге к кожевенным заводам и, под самым городом занял неприятельские окопы к которым стремилась его пехота.

Отсюда несколько сотен с пулеметами были вновь брошены в атаку и опрокинули большевиков, которые бросились бежать в направлении к Черноморскому вокзалу.

Часть бегущих была уничтожена, часть спаслась за широкой канавой наполненной водою, и, преследуемая пулеметным огнем, скрылась в городе.

Между тем, разъезды, вступившие в город, донесли что кожевенные заводы и район Самурских казарм и Сенного базара от противника свободны.

Две сотни полка были направлены для дальнейшего преследования противника в районе Черноморского вокзала, с приказанием занять его и затем наступать к центру города.

Остальные сотни и два орудия, в 7 часов вечера на ризях, подошли к Самурским казармам, где были встречены громовым "ура" военнопленных австрийцев и немцев, там находившихся.

Сдав раненых в лазарет при этих казармах, полк, через Сенной базар двинулся по Красной улице, имея разъезды по улицам ей параллельным.

Предстоял бой на улицах города.

Первое сопротивление было оказано красными при входе нашего разъезда с Сенного базара на Рашпилевскую улицу.

На Красную улицу полк вступил уже в сумерках.

От центра города—с перекрестка Красной и Базарной улиц, началось систематическое очищение города от противника. Были заняты: Владикавказский вокзал, пристань, телеграф, электрическая станция и другие важные сооружения и учреждения.

Более упорное сопротивление было оказано красными в центре города у Большой Московской гостиницы, с третьего этажа которой было сброшено несколько бомб и стрелял пулемет. Здесь было тяжело ранено несколько казаков.

Вопрос с гостиницей был ликвидирован несколькими снарядами выпущенными нашим орудием ставшим на позицию на углу Екатерининской и Бурсаковской улиц.

Упорно оборонялись матросы на Рапилиевской улице.

Дольше всего пришлось возиться с группой противника, прикрывавшей хвост уходившего через Кубанский мост обоза и засевшей в Екатерининском сквере, а также в конце Борзиковской улицы.

К рассвету противник был ото всюду выбит и бежал, бросив в сквере несколько пулеметов и бомбометов, а по дороге через железнодорожный мост Корниловцами захвачено до 100 повозок, груженых снарядами, винтовками, патронами, военным имуществом, фуражем, а также с беженцами.

По ликвидации более крупных групп противника оставалось очистить город от грабителей не успевших закончить свое гнусное дело в отдельных домах.

На рассвете Корниловцы окончательно очистили город, изгнав или уничтожив в нем последних большевиков.

К 7-ми часам утра 3 августа, закончив дело, Корниловский полк был выстроен на Красной улице, правым флангом у Соборной площади.

Совершенно неожиданно к нему подошел и занял место на правом фланге, в пешем строю, Войсковой оркестр, сохранившийся в Екатеринодаре за время большевиков.

В 7 часов утра начали входить и пристраиваться к левому флангу Корниловцев, встречаемые звуками нашего Войскового марша, остальные части Добровольческой армии и полки I-й Конной дивизии, задержавшиеся до рассвета у городских садов.

Таким образом, честь занятия Екатеринодара 2 Августа 1918 года и очищения его от большевиков, принадлежит Корниловскому полку Кубанского Войска, состоявшему из офицеров и казаков, принимавших участие в борьбе с большевиками до оставления его в феврале 1918 года, проделавшими I-й Кубанский поход, а также казаками пополнившими полк при его наступлении с Дона до Екатеринодара.

В. Н а у м е н к о .

С Л Е П О Й К О Н Ъ . .

Ночь холодная. От окон с плохо заклеенными дырами в рамах, без стекол, несет стужей, от которой не укрыться под солдатской шинелью. К холоду, к жестокому ложу на полу, к спанью в одежде с походной сумкой под голову вместо подушки — доктор привык и сон обычно был крепкий.

После тяжелой езды на коне или суетной работы в хлопотах о больных и раненных только бы прилечь, свалиться наземь, на пол, закрыть глаза и уже сон со всех сторон надвигается и сплошной волной заволакивает все вокруг.

В сегодняшний день ничего особенного не случилось. Никаких, сверхположенных в условиях Кубанского похода неприятностей не произошло — такой же напряженный в работе день, как и все дни до него.

Или серый, непогожий мартовский день, наморосил унылую темь раннего вечера? Или уж так, больше обычного, устал сверх меры? Что могло выбить из колеи и не дать обычного крепкого сна? — думал доктор, ворочаясь безпокойно с боку на бок, в тревожном полузабытии.

Обычно спокойный, невозмутимый и уравновешенный доктор, сам ничего не может вспомнить из происшедшего в объяснение своему состоянию.

Наконец приходит сон, тревожный от неотступных, не остывающих мыслей, беспокоящих больше чем насекомые — неизбежные спутники в походе.

— Надо бы ампутацию сделать казаку... Зачем послушался этого прибалтийского барона, немцуру коллегу, зачем не настоял на операции... Пропадет казак — зудила, как расчѐс, мысль с самого вечера и царапала, поминутно возвращаясь к бессонной ночи. — Все равно пропал бы: перевязывать нечем, наркозу нет и завтра с утра выступать в поход. Ехать надо завтра же.

— Ехать надо... Ехать надо... Ехать надо... постукивают в голове слова, как колеса вагона на стыках рельс: Ехать надо... Ехать надо...

— А на чем ехать? — вдруг обрушивается неимоверной тяжестью вопрос, выросший как отзвук, как громкое эхо на выстуки сонных слов: ехать надо... ехать надо...

Доктор не может ответить, придавленный, прижатый усталостью к полу, придушенный перетянувшим шею высоким воротником не снятого на ночь френча.

На чем ехать? Вот что мучило подсознательно и теперь вдруг вынырнуло, выросло вопросом, как из-за поворота, из-за горы тяжелая глыба и катится прямо на доктора и, с размаха, бьет по голове, по телу и стучит и выбивает громко: ехать надо... ехать надо...

От нестерпимой боли в шее, в плече и в голове, доктор даже стонет, но не может проснуться, придти в себя.

Вот, вот он уже на грани, ведущей к сознанию окружающего. В уши доктора уже ползет назойливый сухой храп соседа.

Доктор хочет проснуться, открыть глаза, проверить кто же это хриплым, надсаженным голосом упорно повторяет все одно и то же: ехать надо... ехать надо...

Но сил нет ни открыть глаза, ни повернуться и расправить отлежалое тело, руки, ноги.

Только когда уже рассвело и за домом зашумели голоса и топот лошадиных копыт, и скрип повозок, доктор проснулся и с трудом очнулся от навязчивого кошмара.

Присев на полу, оглядывая мутную комнату в прерассветной утренней полутьме, доктор не сразу пришел в себя. В ушах все еще шумело: ехать надо!.. ехать надо!..

И сразу и в тон и в такт отвечало в голове доктора: а на чем!.. а на чем!..

В самом деле, на чем ехать ему, доктору, главному врачу отряда и в госпитале, на чем выступать в поход?

Приподнялся осторожно, чтобы не разбудить спавших почти вплотную друг к другу людей из своей "команды", как называл ближайших помощников в госпитале и в отряде.

Мрачные мысли растаяли в мягких белокурых волосах и пушистых ресницах, опущенных на румяную щечку, в пухлых маленьких губках капризно, почти по детски, надутых и поднятых к смятому в пуговку носу. Только половина лица была видна в густой баранковой шерсти папахи, на которой лежала голова Маруси. На черных кудрявых завитушках папахи, лицо Маруси казалось блее и мелкие веснушки на носу и щеке были, как легкие тени от усталости... Лицо от стриженных по мальчишески волос, казалось еще более молодежым для ее 18 лет.

--Эх ты воробушек, -- подумал доктор, глядя с отеческой нежностью на спящую Марусю. -- Из какого гнезда ты упала на такую страшную до рогу? Наше дело мужское, иное, нам оставаться дома было нельзя...

Пока одевался и приводил свои вещи в порядок думал больше всего о том, что было ближе к Марусе. Опять встал вопрос: -- зачем покал девченку и подобрал ее, шедшую с трудом возле повозки, маленькую, с повязкою на голове, в стоптаных ботинках и в солдатской шинели длинной не по росту? Зачем не оставил в госпитале, а взял с собою "команду"? Пожалел, что среди мужчин пропадет? И чего теперь нянчиться? Девченка простая, молчаливая; ничего толком сделать не может и в госпитале плохая помощница у больных и раненых. И врет, все врет и про себя и про свою родню... Оттого, должно быть что глупенькая; еще много в ней ребячьего, детского, беспомощного.

И оттого ее и жаль, как малое неразумное дитя... О ней приходится думать как о ребенке... Спит как у себя дома в кроватке. И будить даже жалко.

Отдохнув глазами и мыслями на милом личике Маруси, вспомнил доктор как было серо, пусто и одиноко для самого себя. А теперь рядом с ним почти родное существо, серыми глазами ищущее доктора в минуты опасности, и в дни работы, и в часы досуга в походе. А ночью маленькая девочка ложится скраю возле доктора, как у надежной защиты от всех ночных страхов.

Эти мысли о Марусе на короткое время заслонили тревоги и заботы в наступавшем дне. И опять заворочались, застучали тяжелые вопросы: ехать надо... и на чем?..

Вот и приказ выступать в поход.

-- Команда, вставай! К походу готсесь! -- будит доктор команду.

Позевывая, покашливая, поеживаясь от холода, потягиваясь вставали...

Уже совсем рассвело. Пасмурно на дворе. По улицам непрерывное движение людей и повозок. Надо торопиться в госпиталь -- скоро уже черед выступать и санитарному отряду.

-- Взять коня у Маруси? -- Ледящий у не коняка, маленький и слабый, ее девченку с трудом волочит. У коллеги взять -- не хочется обижать

и в таком походе без коня, как без ног. Придется тогда коллеге пехтурой грязь месить. Самому шагать — по чину не пристало, не полагается — думает про себя доктор. А вслух хотелось бы крепкое слово пустить по адресу того, кто накануне у него, задремавшего у края дороги, украл коня, срезавши поводья, да запнулся — в присутствии девченки нельзя.

— Если бы знал вор, что конь докторский, не украл бы? Как вы думаете, коллега? — спрашивает доктор своего помощника.

— Все равно украл бы — уверенно отвечает коллега. А вы к станичному атаману адресуйтесь. Он вам в два счета коня даст.

Уже раненные и больные размещены по повозкам и госпиталь, вместе с отрядом, ждут приказания главного врача.

— Трогайтесь, марш! приказывает доктор.

Маруся с тревогой поглядела на доктора и хотела остаться. Доктор нахмурился и отрицательно покачал головой. — Поезжай с обозом!

Станичный Атаман седобородый, сухой от старости, а еще больше увядший от беспокойства и хлопот с добровольческими частями, занявшими станицу и требовавших от Атамана непосильных для его возраста трудов, только разводил руками, показывая тем, что нет никакой возможности достать коня. Не торопясь, говорил: — Всё подходящее расхватали. Одна калечь осталась негодная. Вот и у меня один только конь остался, да и тот слепой. А, сказать правду, иного зря чего стоит. Был нашему дому другом и работником. Старший мой сын ординарцем на нем ездил. Конь крепкий, коли другого нет, берите до случая. Жалеть не будете. Довезет не вскачь, а шагком спорым пойдет.

— И то, подумал доктор, рысью с обозом не ехать. Да ничего другого и нет, чтобы разбираться. Не годится — брошу.

Вывел Атаман старого, сытого и крепкого коня с мутными от бельма глазами, заседлал добрым казачьим седлом, приторочил подсумки с докторскими вещами и подвел коня доктору. Доктор сел на коня, приладился к коню и седлу. Конь и впрямь добрый и к поводу чуткий.

— Ну теперь, доктор, глядите в оба — шутит Атаман; а коли в Новодмитриевской найдете другого, то коня моего оставьте в станичном правлении, чтобы знать мне, где моего старого друга найти.

Конь умный, путь дорогу копытом чует и совсем не тяжело думать о дороге. Идет возле повозки и не споткнется, не оступится, ни на что не нашагает. Спасибо Атаману! Последнего коня, да еще старого друга не пожалел.

— Дай Бог счастья вам, дай победы, дай здоровья братьям станичникам. Знаю что мне жизнью рисковать придется, когда вернутся большевики в станицу и меня будут допытывать, да квитаться за то, что кадетам служил. Старый я, а то и сам бы пошел с вами, но пользы от меня мало будет. Коня последнего отдал. Чем пахать буду, не знаю. А может быть и не придется мне в мое поле выезжать, землю свою поработать. Не простят мне большевики грехов моих казачьих и прикончат без милости. Ну и пусть будет, что пошлет Господь. Пожил слава Богу! Коль не одолеем врага, нам, старым людям, все равно не покориться и жить нам будет не в силу.

Смахнул Атаман навернувшуюся слезу с глаз, уставленных на дорогу по которой тянулись подводы и части отряда, миновав уже околицу станицы.

Шумно и суетно было в эти два дня постоя отряда. А теперь опустела, осиротела станица и тихо, настороженно и жутко по домам и улицам. Знают станичники, что скоро придут большевики и будут вымещать на безвинных свое поражение и трусость перед горсточкой храбрецов добровольческого отряда.

Понуро поплелся Атаман в станичное правление, сел на приступ ку крыльца и задумался. Тяжкая година и не сулит она хорошего. Сколько трудов, сколько горя и страданий и смерти в злой междоусобице. Обида и разорение. На что один конь слепой убогий от всего добра у меня оставался, а и его не миновала горькая участь. - Осиротел я, обезлошадел, и конь мой, брошенный как камушек, пропадет с голоду. Бедный, бедный мой слепыш!...

Черные без посевов поля вдоль дороги, черные слякотью и грязью забрызганные лошади и повозки, с трудом везомые по вязкой, размокшей, изрытой колеями дороге. Чмок... чмок... В каждом шаге тискают копыта черноземную слякоть. Стук, бряк... Промыкают колеса и кузова повозок, встряхивая седоков.

Грязь все жиже; все больше и больше луж на дороге и по смежным полям; вот уже как в половодье, мелкие озера мутной воды в отсветах мутного в тучах неба.

- А вдруг спотыкнется слепой конь мой? - думает доктор. Нет не дрогнет, не оступится старый конь. Осторожно, но уверенно ступает, чутко прислушиваясь и вздрагивая от холодных брызг, попадающих в губы, в глаза слепые но умные, добрые глаза лошади прошедшей тяжелую казачью службу; и чувствует конь седока-хозяина и друга, которому послушен и покорен.

Ну, разве не символическая картина! Едет человек на слепом белом коне - это слепая судьба белого движения. Не то везет его конь, не то плывет человек вместе с конем по безграничному простору вод закубанских плавней. Эти широкие кубанские плавни - широкие просторы неизвестного и где они и как станут твердью, и что будет на ней для нас - не видать, как слепому.

Ну, шагай, шагай мой слепой белый конь! Вывози кривая на оба глаза, моя обездоленная старая лошадка! Не падай, не роняй меня в придорожные лужи холодных плавней. Шагай рядом и вместе со всеми невольными спутниками похода за Кубань. Теперь ведет нас сам генерал Корнилов и быть может, мой белый конь, хоть и слепой, но верный казачий конь, не отстанет от побед в которые так хочется верить. Верить и победить во чтобы то ни стало, как верит сам Корнилов и как побеждал от Ростова и до встречи с нами за Кубанью.

Тяжел был этот первый день похода под командой Корнилова. Стояли самые холодные на Кубани мартовские дни, с дождем и ветром, с хмурой пасмурью непогоды, с ледящей струей и мучили истомленных раненных и больных.

В этот день доктор вел свой обоз с больными и ранеными по дороге вслед за другими, идущими упорно и покорно, и безропотно, как слепые за поводырем.

На белом слепом коне, по ледяной воде, бежавшей над мостом почти в уровень с перилами, в слепые сумерки раннего утра, натянутыми поводьями, как бы желая поднять как можно выше над бушующим ледяным потоком, храпящего в настороженности и чующего опасность коня, переправлял доктор свой отряд через мост. Почти плыл с конем мало думая о риске и для себя и для обоза. Спасение только впереди и нельзя ни на шаг, ни на минуту отставать от общего движения.

Вот уже слышен стук копыт по деревянному настилу берега, зали того на многие версты. Твердь по ту сторону есть и дорога видна меж двух рядов телеграфных столбов, стерегущих тракт на станицу.

Туда скорее к мерцающим огням, еще не потухшим в остатке мартовской ночи; туда к первым хатам, чтобы согреть заочневших больных и раненных, измученных, промокших и заледневших в эту без примерно студеную, непогожую, страшную ночь.

-Марш! Марш!-кричит доктор в сложенные рупором полуобмерзшие руки.

Повозка за повозкою скатываются с берега на мост, обдавая брызгами и шумя потоками струй, охвативших и лошадей и повозки мутными плотнищами густой в напоре вод бегущей стремглав реки.

-Ой, ох!...Тонем!..Тони... вопят лекачие тяжело раненные и больные, которых достала ледяная вода на дне повозок.

Только тогда тронул своего коня доктор, когда пропустил всех из своего отряда, пустив коня быстрым шагом, чтобы пройти весь обоз и у каждой повозки осведомиться не слишком ли промокли и вслед сказать что-нибудь утешающее и бодрящее и, что мол, совсем скоро отогреемся и отдохнем.

- Скорее бы... отвечали с повозок. Скоро ли ?дрожащие от холода голоса.

С иных повозок только стоны, с других только глядели глаза полные мук и мольбы и неслышный шёпот посиневших губ.

А было не мало и таких повозок, где безмолвный покой, бледные без кровинки лица с опущенными веками говорили страшными словами жуткой смерти о том, что ледяная ночь доканала непомерными муками холода и тяжестью долгого перехода. Им уже незачем теперь спешить и ничто уже не трогает застывшее навсегда сердце.

Доктор торопит коня, чтобы вместе с квартирьером поскорее доехать до станицы и захватить места для госпиталя.

Кончились плавни. Хоть и топко по грязи, но можно бы пройти и рысью; но слепой конь отвык от бега и только ускорив шаг, зачистил ногами сколько было старой силы.

Впереди уже близко горят огни станицы сквозь смутные силуэты хат и деревьев. Огни манят продрогших и усталых людей. Люди и кони ускоряют шаг, чтобы донести до казачьих хат неугасшее еще тепло живого сердца. Сердца людей, принявших тяжелый жребий борьбы за свою правду непокорившихся.

И, вместе со всеми, торопливо шагал и слепой конь, уверенно и бодро ступая в привычном походном шаге и чуждый запах жилья впереди.

Слепая в лохмотьях дождевой измороси, тупой холодной тьмой бившая людей ночью, порозовела светом утренней зари; она приняла в свои светлые руки усталых людей и бережно понесла по улицам станицы.

Когда повозки стали возле отведенных для них хат, уже настал день. День который помнят все добровольцы Кубанского похода.

В этот день Корниловым был решен поход на Екатеринодар.

Прошлая ночь чуть не захлестнувшая отряд в половецкой реке, едва не заморозившая все живое, та ночь, которая дана имя всему Первому Кубанскому походу- Ледяного, уже забыта. Впереди еще много будет ночей в пути и в них, быть может, застынет на одно сердце, обреченных утонуть в слепой тьме отчаяния, в страданиях от ран и болезней. Лежа в повозках походного госпиталя, люди тщетно борются за остатки жизни в холодеющем уже теле. Слепая судьба ведет всех вперед, Она на слепом коне веры в победу. Перед ней путь залит не разливом пламень, а слезами и кровью брагодубийственной войны.

Медленно шагает ее слепой конь в неведомые пределы и грани неравной борьбы. Только шагом, только по пути, преддрешенному волею вешущего Добровольческую армию Корнилова.

И также шагал слепой казачий конь в ту холодную темную ночь, которая заледенила сердца многих вечным покоем.

Но в сердце других была и победила сила живых, ведущих с верой в победу.

А. Ж е м ч у ж н ы й.

О т а в т о р а. В этом рассказе все правда. Краски и детали слегка стужены, но в главном соответствуют описываемому эпизоду.

В ночь после исторического боя с наседавшими большевиками, накануне встречи с ген. Корниловым, у меня, буквально свалившегося с ног после перевязок больных и пережитых волнений во время упомянутого боя и заснувшего у дороги с поводом, привязанным к руке, украли коня, отрезав повод.

Спасибо станичному Атаману, давшему мне последнего своего друга верного, слепого коня. Спасибо и коню, вывезшему меня в ту незабываемо трудную ночь самого тяжелого перехода.

А.Ж.

" "

ОСКОЛКИ ВОСПОМИНАНИИ.

Рассказывают, что в было время, в одну из Закубанских станиц в верховьях Лабы, славившуюся большим количеством разной дичи, приехал на охоту какое-то высокопоставленное лицо.

Как водилось в таких случаях, станичный Атаман собрал всех лучших охотников станицы. В числе их был, известный не только у себя охотник, но и во всех станицах отдела и даже самому Наказному Атаману, старик Семен Федорович, видевший на своем веку много людей и такой, что, как говорится, в карман за словом не полезет.

Начавшаяся с раннего утра охота, была очень удачной и к полудню, когда на одной из полян был устроен завтрак, было набито много всякой дичи.

Именитый гость был отменно доволен.

Сам он, а по его примеру и все другие участники охоты, ели стоя.

Желая оказать особое внимание Семену Федоровичу, высокий гость подозвал его к себе и собственноручно поднес ему чарку водки:

Поблагодарив за честь, старик выпил и, неискушенный в светской этике, не желая никого обидеть, отошел в сторонку, сел под деревом, развязал свой узелок, и истово перекрестившись, начал есть.

Видимо начальству не понравилось, что он, в его присутствии, хотя и отойдя в сторону, сел и оно обратился к старику с вопросом:

—"Скажи Федорович, какая разница между тобой и свиньей?"

Смекнув чем дело, старик в долгу не остался. Он степенно встал, отряхнул с бешмета крошки хлеба, вытер ребром ладони усы и, вытянувшись перед начальством, ответил:

—"Так точно Ваше... !Разница есть и большая."

—"А какая именно?"—поинтересовался гость.

—"Я ем сидя и перед тем как начать есть всегда перекрещусь, а свинья никогда не крестится и ест стоя."

В.Н.

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ.

В 1923 году Кубанской канцелярией была произведена перепись Кубанцев в эмиграции. Откликнулось, из общего числа, примерно десят тысяч человек /-7052.

Тогда было составлено 7 разных таблиц, из которых в данное время для нас наиболее интересны: таблица 2-я "Возраст" и табл. 6 - "Распределение по государствам".

Таблица 2-я В о з р а с т

До 16 л.	16-20	20-30	30-40	40-50	50-60	60 и выше	Всего
220	385	3789	1757	593	253	55	7052
3%	5%	55%	25%	8%	3%	1%	100%

Родившиеся в год составления этой таблицы младенцы, теперь достигают 40-ка летнего возраста и имеют внуков. Все мы постарели на 40 лет. Тогдашний цвет нашей эмиграции - люди 20-30 лет, составлявшие 55% из общего числа, теперь 60-70-летние старики. О старших и говорить не приходится. Что же касается последней группы, то из них никого нет в живых. Теперь всем им перевалило бы за 100 лет. Старейший член нашей Кубанской семьи Мария Ивановна Кравченко умерла, на 101-м году жизни 5 лет тому назад.

За прошедшие годы произошло большое изменение в смысле возраста потому, что, с прибытием "новой эмиграции", которой удалось вырваться от большевиков, состав наш, до известной степени, омолодился. В тоже время из числа старых эмигрантов несколько сот человек были выданы Командованием Западных союзников большевикам.

Таблица 6-Р а с п р е д е л е н и е п о г о с у д а р с т в а м.

Сербия	4449 чел.	63%	Финляндия	139 чел.	2%
Болгария	1045 "	15%	Румыния	48 "	1%
Чехословак	711 "	10%	Германия	26 "	1%
Турция	215 "	3%	Польша	23 "	
Греция	210 "	3%	Ост. государ	27 "	
Франция	139 "	2%	Всего	7052 "	100%

За последние 40 лет произошло наше "Великое переселение" с насиженных за долгие годы эмиграции мест, вследствие распространения большевизма в Восточной Европе.

Сейчас большинство из нас проживает за океаном: в США, Австралии и в Южной Америке, т.е. в странах, которые 40 лет назад даже не вошли в таблицу 6-ю, а показаны в графе "другие государства", в которых количество Кубанцев не превышало 1%. В самой Европе произошел сдвиг на запад: увеличилось число Кубанцев во Франции, образовались группы в Англии и в Бельгии, появились одиночки в Голландии, Швеции и Норвегии.

Теперь мы, в своем большинстве, передвинулись из Восточного полушария в Западное, а центр нашего сосредоточения переселился из Белграда в Нью Йорк.

В. Н а у м е н к о .